

PANZAR

ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

КОТЕЛ КОШМАРОВ

КОТЕЛ КОШМАРОВ

ТРИ ИСТОРИИ ДЛЯ ПРАЗДНИЧНОГО УЖИНА

Высоко над головой ветер выл на сотню охрипших голосов, словно свора гончих Зара наконец сорвалась с цепей и обрушилась на дрожащий от холода и страха мир. Сюда, в ущелье, этим зверям было не добраться, но и без них стужа брала свое.

Человек боролся за каждый шаг из последних сил. Все тело его протестовало против движения, конечности – и даже мысли – немели и болезненно ныли при малейшем усилии. Стоило на мгновение опустить веки, как блаженное тепло забытья окутывало его с ног до головы. Спать. Хотя бы несколько минут. Найти местечко поуютнее, свернуться калачиком, как в давно позабытом детстве, и наслаждаться снами. Ласковыми и бесконечными, полными родных голосов.

Стиснув зубы, он заставлял себя открывать глаза и вновь оказывался среди голых серых скал, под серым небом, с которого временами начинала сыпаться мелкая серая изморось. Не так давно миновала середина осени, но здесь,

в отрогах Торгорского Кряжа, уже обосновались вполне зимние холода. Никаких красных и желтых листьев, никаких ливней, никаких журавлиных клиньев в безоблачной синеве – лишь обледенелые камни и пронизывающий ветер.

Человек кутался в толстый плотный плащ, сшитый из козьих шкур, и только благодаря ему до сих пор оставался жив. Несколько дней назад, еще на равнине, плащ спас хозяина от стрел, выпущенных преследователями. Среди них не оказалось хороших лучников, да и расстояние было уже внушительным, но несколько стрел все же попали в цель, и если бы не два слоя шкур, укрепленных изнутри полосами войлока, наверняка пронзили бы спину беглеца. Теперь плащ защищал его и от холода. А вот успеет ли он перед побегом добраться до тюремного арсенала, как планировал, и обзаведись кирасой, то уже давно замерз бы насмерть. Все, что ни делается - все к лучшему, верно?

Человека звали Кнуд Бергдалл, хотя это имя было лишь одним из многих, под которыми его знали в землях к востоку от Красных Камней. Хайдар Стогвордский, Гундар-из-Нагры, Зитрих Желтые Сапоги, Лагмас Бессонный – он жонглировал ими с легкостью опытного циркача, выбирая одно из старых или на ходу придумывая новые, в зависимости от того, где и с кем приходилось иметь дело. Ведь что такое имя, если рассудить откровенно? Просто пара слов, которые по какой-то неизвестной причине привязаны к человеку едва ли не с самого рождения. Нет ничего разумнее и проще, чем менять эти слова при необходимости – особенно, если от них зависит, потащат тебя в тюрьму или усадят на почетное место на пиру.

Впрочем, к одному из своих многочисленных прозвищ, самому знаменитому, он относился с любовью и уважением. Кнуд Утопленник – именно так звался он во всех розыскных приказах, во всех объявлениях, обещавших огромную награду за его поимку живым или мертвым. Именно так

представлялся он, если чувствовал себя в безопасности и не опасался оказаться в лапах охотников за головами. Прозвище появилось много лет назад, еще до Ночи Безумия, когда молодой вор только начинал свой путь к славе, и с тех пор успело обрасти множеством легенд, домыслов и самых невероятных слухов. Оно безотказно действовало на скупщиков краденого, трактирщиков и молоденьких вдовушек - Утопленнику всегда доставались самые выгодные контракты, самое лучшее вино и самые горячие поцелуи. А ничего другого он от жизни не желал. Однако здесь, под мертвым стальным небом, от знаменитого прозвища не было никакого толка. Оно не согревало.

Кнуд в который раз поскользнулся и с немалым трудом удержал равновесие. Ноги, ноющие после долгой непрерывной ходьбы, едва справились с задачей. Ему нужен был отдых. Кром с ней, с едой. Забиться бы в какую-нибудь расщелину потеснее, развести костерок, поспать хотя бы пару часов. Погоню он сбросил со следа давным-давно, да и сомневался, что кто-то из благородных рыцарей рискнул последовать за ним в эти дикие места. Единственным врагом оставался холод, но за последние несколько часов на глаза не попало ничего, способного помочь в борьбе с ним: ни единого куска дерева, ни одного клочка травы – да и откуда им взяться среди безжизненных скал.

Поначалу Кнуд планировал за пару дней добраться до заброшенных гномьих каменоломен, о которых ему поведал брат по ремеслу полгода назад. Но ущелье все тянулось, и никаких признаков того, что тянется оно в нужном направлении, не было. Возможно, в самом начале он выбрал неверный поворот. Возможно, тот рябой собутыльник ошибся, описывая дорогу. Или просто соврал.

Кнуд задрал голову, изо всех сил надеясь рассмотреть под серыми облаками птиц. Появление птиц значило бы,

что он верном пути и уже почти у цели, что впереди вот-вот можно будет различить сосны и полуразрушенные статуи, окружающие каменоломни. Но небо оставалось равнодушным и пустым.

Наверху, среди скал, вдруг послышался странный звук, будто камни скрипнули под чьей-то тяжелой ногой. Кнуд кинулся к стене ущелья, едва не поскользнувшись снова, прижался к ледяным камням спиной. Он был настолько измотан, что даже этот короткий бросок потребовал напряжения всех оставшихся сил. Тяжелое дыхание вырывалось из его рта облачками пара. Сердце гулко громыхало под ребрами, а тишина вокруг превратилась из союзника во врага – теперь она не хранила его покой, но скрывала что-то в своей звенящей глубине.

Снова шорох над головой. Там определенно кто-то крался, прилагая немалые усилия для того, чтобы остаться незамеченным. Кнуд вытащил из-за голенища сапога нож, свое единственное уцелевшее оружие, и приготовился встречать неожиданную опасность лицом к лицу. Вряд ли это были рыцари Ордена: увешанные доспехами паладины не смогли бы преследовать его столько времени по труднопроходимым предгорьям – тем более, так, чтобы он не слышал и не видел их. Пещерный медведь? Какой-нибудь одичавший гном?

Шорох раздался ближе, на этот раз сверху посыпались мелкие камни.

- Цыц, Корг! – глухо прошипели там. – Не шугни!

Орки. Во имя кромовых бубенцов, орки! Откуда им здесь взяться?! Но размышлять было некогда, счет уже пошел на мгновения. Он оттолкнулся от скалы и побежал прочь по ущелью, моля всех четырех богов помочь ему не поскользнуться.

- Куда?! – проревели позади. – Кроши его!

Кнуд не оглядывался, впившись взглядом в камни под

ногами, но отчетливо почувствовал, как позади взвился в воздух снаряд, нацеленный ему в спину. Он резко отскочил в сторону, и орочий керн, предназначенный для того, чтобы сломать его хребет, пролетел мимо, врезался в гранитный булыжник несколькими шагами дальше и разлетелся на множество мелких осколков. Некоторые царапнули Кнуда по лицу, но он не замедлил бега ни на мгновение.

- Промазали, зеленые морды! – торжествующе выкрикнул он. – Про...

Боги не слышали молитв. То ли это проклятое место находилось слишком далеко от них, то ли Четверых уже успел утомить неугомонный человечек, слишком часто шедший против любых законов. Подошва скользнула по гладкому камню, небо и скалы мелькнули смазанными серыми пятнами – Кнуд рухнул на спину. Удар был такой силы, что выбил искры из глаз и весь воздух из легких. Сознание тоже метнулось куда-то ввысь, оставив своего хозяина в темноте на несколько томительно долгих секунд. А когда оно вернулось обратно, орки уже скакали вокруг, оглашая окрестности торжествующим ревом. Их было двое: огромные, жилистые, с желтыми клыками и грязно-зеленой кожей. Одеждой им служили пестрые лохмотья, наспех состряпанные из множества отдельных лоскутов.

- Грааа! Никому не уйти от Корга! – проскрежетал тот, что казался слегка пониже. – Видал, как я его уронил!?

- Ха! Да ты бабку бы свою не уронил, кабан косою! – ответил второй, обладатель длинного рыжего чуба, свисавшего на левое плечо. – Хватай, пока не очухался.

Корг, недовольно рыкнув, поднял обмякшего человека и перекинул его через плечо. Кнуд не пытался сопротивляться. У него совсем не осталось сил, да и воля к жизни, похоже, сломалась при падении. Орки направились куда-то. Они шли неспешно, ступали осторожно, изредка переругиваясь – и,

несмотря на весь ужас положения, Утопленник понял, что засыпает. Неспешная поступь орка, на плече которого он висел, укачивала, убаюкивала, наполняла веки свинцовой тяжестью. Кнуд широко зевнул. По крайней мере, теперь можно было не бояться замерзнуть.

Но только он начал проваливаться в блаженное забытие, как свет вокруг померк, шаги орка обзавелись гулким эхом, и всего несколько мгновений спустя его бесцеремонно бросили на каменный пол. Кнуд откатился в сторону и попытался подняться, но вновь упал, ударившись головой о деревянную балку в темноте.

- Не рыпайся! – прохрипел один из орков. – Отсюда уже никуда не денешься...

- Давай его в клетку, - подал голос второй. – Я пока огонь разведу.

Последняя фраза насторожила Кнуда, хотя от усталости и столкновения с балкой он уже мало что соображал. Может быть, огонь – это не так уж и плохо. В конце концов, ему нужно согреться.

Чиркнул кремь по кремню, брызнули искры, затеплилось пламя в куче бересты. Языки его жадно лизнули черные бока огромного котла, висящего на обуглившейся деревянной балке. Отсветы выхватили из мрака стены пещеры и низкий потолок ее, закопченный в центре и усеянный сталактитами по краям. Рядом кто-то завозился. Кнуд повернулся, удивляясь полному отсутствию страха внутри. Похоже, он больше не был способен бояться или переживать за свою жизнь.

В клетке, состряпанной из бревен толщиной в руку взрослого мужчины, ворочалось странное существо, состоявшее, казалось, только из лохматой шевелюры и свалывшейся бороды. По мере того, как разгорался огонь под котлом, из теней проступали и другие черты: неровный, словно бы изрядно помятый, нос, кривые клыки в углах рта,

густые косматые брови. Гном, старый и удивительно грязный, наконец, уселся и уставился на человека своими маленькими недовольными глазками.

- Кромово кресало мне в дышло! Еще один!

- Заткнитесь там! – рывкнул Корг, с размаху ударив кулаком по полу.

Чубатый снял шеи черную от грязи бечевку с ключом и открыл с его помощью огромный ржавый висячий замок, запирающий клетку.

- Давай внутрь! – когтистая лапа сгребла его за волосы. Боль привела Кнуда в чувство. Он попытался вырваться, но безрезультатно. Орочий кулак врезался ему в лицо, моментально уничтожив намерение сопротивляться. Он ввалился в клетку, едва не сбив с ног гнома, и прислонился к стене, даже не пытаясь утереть текущую из разбитых губ кровь. За спиной проскрежетал запираемый замок.

- Милости прошу! – пробурчал гном, усаживаясь. – Всегда приятно видеть новые лица, ага. Хотя перед тобой здесь ночевала эльфийка, ее общество было мне приятней. Сам понимаешь, всякие изгибы, ножки...

- Эльфийка? – прохрипел Кнуд и сплюнул вывалившийся зуб. – А где она теперь?

- Известно, где... - ответил гном, кивнул в сторону котла, над которым уже начал подниматься пар. Корг помешивал варево кривой веткой, второй подкидывал в огонь дрова. Откуда они их только раздобыли здесь!

- Разогревают, кромова мать, - пояснил гном очевидное. – Меня, кстати, Нордильфом зовут, ага. Нордильф Красный Мех. Только мех не в смысле, как у зверя, а кузнечный. Фейерверками торгую, ага.

- Рад за тебя. А я – Кнуд Утопленник. Только, разумеется, не настоящий утопленник.

Гном ощерился, показав немногие оставшиеся зубы:

- Тот самый?

- Тот самый, - вздохнул Кнуд.

- Надо же, угораздило. Сейчас они красавицу доедят, а утром за тебя примутся.

- Почему именно за меня?

- Потому что гномье мясо им не особенно нравится. Меня они на черный день оставляют, когда больше никого добыть не сумеют.

- Вон оно как.

- Ага.

Кнуд почесал затылок. Нож он потерял в ущелье, когда поскользнулся, отмычек у него при себе не было – Паладины отобрали всю коллекцию при обыске, а вернуть в спешке не получилось. Сломать замок или прутья клетки голыми руками не представлялось возможным, тем более в таком состоянии. Судя по всему, вот он, конец пути. Здесь, в мрачной тесной пещере на окраине обитаемого мира, закончится история Кнуда Утопленника. По крайней мере, никто и никогда не узнает, что именно с ним произошло, он останется в памяти людей непобежденным, ушедшим от погони и бесследно исчезнувшим в суровых северных горах.

Эта мысль успокоила его. Хватит убегать и цепляться за свое жалкое существование. Пришла пора отправиться на Темные Тропы и пройти по ним в новое бытие, ждущее далеко за пределами жестокого мира. Пришла пора успокоиться.

Кнуд блаженно улыбнулся и откинулся на спину, закутавшись в плащ. Ему предстояло самое долгое и трудное из всех возможных путешествий, перед которым определенно стоило хорошенько выспаться. Ни ледяные камни, упирающиеся в лопатки, ни сопящий рядом гном, ни исходящий от него запах, ни орки, разогревающие чудовищную похлебку всего в нескольких шагах, не могли помешать лучшему вору, что когда-либо жил к востоку

от Долины Красных Камней, насладиться заслуженным отдыхом.

Орки расположились у котла, достали откуда-то грубо вытесанные деревянные ложки и принялись хлебать свое жуткое варево. Спустя полчаса орк, чьего имени Кнуд так и не узнал, отбросил ложку в сторону и, сыто отдуваясь, прислонился спиной к ближайшему сталагмиту.

- Э, Корг, - просипел он. – Давай, затрави байку какую, что ли... только пострашнее, Крабожор ведь на носу.

Его напарник сунул палец в ноздрю и некоторое время с задумчивым видом ковырялся там, потом рассмотрел свою добычу, вытер палец о тощую рыжую бороденку, и сказал:

- Лады. Слышал про то, как мой братец, Морг, пропал в Болотном Форте в эту самую ночь пару годков назад?

- Нет. А что стряслось?

- Откуда мне знать, кромова мать! Оставили его сторожем, а на утро не нашли. Но говорят, будто бы не обошлось без нечистой силы...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ ПОБЕГ ИЗ ФОРТА УЖАСОВ

Осенью в джунглях темнеет быстро, не успеешь оглянуться, а уже хоть глаз выколи. Морг Полклыка порадовался, что вовремя развел костер – и крыс получится запечь, и не так жутко. Конечно, в эту ночь в Болотном Форте повсюду горели огни: сотни свечей самых разных форм и расцветок, фонари из тыкв, украшенных грубо вырезанными, но от того не менее выразительными мордами. Однако смотреть на них Моргу не нравилось. Казалось, будто они наблюдают за ним, освещают все вокруг для чьих-то чужих, недобрых глаз. Уж лучше иметь пусть небольшой, но собственный костер с

чистым пламенем, на которое всегда можно положиться.

Это была особенная ночь - канун Крабожора, всеобщего праздника, который у гномов именуется Самогойном, а у людей Хеллавином. Считается, будто бы вся нечистая сила вылезает в это время из своих убежищ, чтобы до утра успеть навести шороху на земле. Правда это или нет, Морг не знал, однако не сомневался, что его сородичи нынче наведут такого шороху, что любой демон задохнется от зависти. Еще в полдень племя в полном составе отправилось на празднование в Крепость Людоедов – бесчинствовать, пить свежайшую брагу и лопать жирных крабов. Морг остался в Форте один. Лицом к лицу с темнотой.

Традиция оставлять сторожа на ночь Крабожора появилась несколько лет назад, после того как из-за неудачно упавшей свечи выгорела половина частокола. Шаманы, конечно, объявили это волей Зара, который таким образом якобы намекнул племени, что пора обновить обветшалые заграждения. Тем не менее, в следующий раз решено было выделить кого-нибудь для присмотра за свечами – видимо, дабы Зар впредь воздержался от намеков, а говорил прямо. Кому достанется честь сторожить Форт, определяли с помощью жребия – все взрослые воины племени тянули соломинки из рук старшего шамана Гор-Гмыха, и вытянувший самую короткую мог не рассчитывать на пир в Крепости Людоедов. В этот раз не повезло Моргу.

Он поворочил кучу тлеющих углей, в которой пеклись обмазанные глиной крысы. Уже совсем скоро можно будет перекусить. Он без всяких проблем съел бы крыс и сырыми, но уж слишком тяжело потом выковыривать шерсть из клыков.

Морг поежился. Холодный ветер прошуршал осенними листьями по дощатым навесам, качнул веревочные мосты и принялся еле слышно шептать заклятья на неизвестном

языке в переплетениях ветвей. Орк погрозил кулаком в пространство.

- Не на того напали! – пробурчал он. – Морг Полклыка в жизни никого не боялся!

Тыквы только скалились в ответ. А чего еще от них ждать!? Молодняк поговаривал, будто тыквы про себя смеются над смертными, предсказывают им страшные мучения и раскрывают самые сокровенные их секреты, заставляя несчастных дрожать от ужаса. Да только у Морга не было никаких особенных секретов. Разве что парочка... но, если тыквы и правда знали о них, он им не завидовал.

Ветер вздохнул в последний раз и стих. В наступившей тишине, липкой и вязкой, словно окружающие болота, до моргова уха донеслись вдруг слова. Отчетливые, страшные, произнесенные низким шипящим голосом. Орк, сонно следивший за языками пламени в своем костре, вздрогнул и насторожился. Ему ли, пусть молодому, но уже бывалому воину, бояться шепотов во мраке?! Кто бы там ни скрывался, его стоило проучить.

топь ждет тебя

Морг вытащил из костра головню подлиннее. Наверняка, это друзья-тугодумы решили подшутить над ним. Насколько пустоголовым нужно быть, чтобы променять веселье и угощенье в Крепости Людоедов на холодную ночь в пустом Форте!

Он обошел площадку, на которой сидел, потом сделал несколько шагов по навесному мосту, ведущему к воротам. Хлипкие доски протяжно скрипнули под ногами.

- Эй, там! – заорал Морг изо всех сил. – Пошли вон, гномово отродье!

Он не ждал ответа, и не получил его. Ночь оставалась безмолвной, не считая нужным обращать внимание на одинокого орка. Морг потоптался на месте, не зная, как

поступить, а затем развернулся, намереваясь вернуться на место и заняться уже испекшимися крысами. И в самый последний момент краем глаза заметил движение вниз. Тощая, едва различимая черная тень совершенно бесшумно метнулась к воротам.

Страх не было. Морг бросил головню на пол и погасил ее двумя ударами ноги. Затем прижался к древесному стволу, служащему основой для навеса, и принялся напряженно вглядываться во мрак, истово надеясь, что ему просто показалось, что зрение сыграло с ним злую шутку.

Но спустя несколько мгновений, когда глаза привыкли к темноте, он убедился, что они не подвели его. Перед воротами, в десятке шагов от частокола, возвышалась нелепая и в то же время жуткая фигура: широко разведенные руки, слишком большая голова, остроконечная ведьмовская шляпа. Неужели пугало?

Пасть Морга растянулась в улыбке. Конечно, он вырос здесь и не раз слышал о злом духе Ыгр-Гха, призраке шамана, которого утопили в болоте собственные соплеменники, уставшие от его безумной жестокости. Но Ыгр-Гха не исчез, он навсегда остался прикованным к месту гибели и вскоре после смерти принялся мстить своим убийцам. Уцелевшие колдуны долго не могли справиться с жестоким духом – то, что уже мертво, не так-то просто уничтожить – и в итоге заточили его в соломенное пугало, которое затем сожгли на костре. О, да, они торжествовали, но торжество их оказалось недолгим. В канун ближайшего Крабожора все они были найдены с перегрызенными глотками, а на холме неподалеку от Форта невесть откуда возникло пугало с окровавленной ухмылкой, вырезанной на уродливом тыквенном лице. Ни один орк не осмелился приблизиться к нему, но с первыми лучами солнца оно бесследно исчезло само по себе. И, если верить сказкам, с тех пор каждый Крабожор это пугало

появляется в окрестностях Форта, скалится и высматривает пустыми глазами очередную жертву. Срубишь его, сожжешь, растопчешь – на следующий год оно возникнет вновь. Некоторые говорили, будто бы именно из-за пугала и появилась добрая традиция на праздник всем племенем уходить в Крепость Людоедов.

Морг никогда не верил в Ыгр-Гха. Ну, разве что в самом раннем детстве, когда еще строил хижины из гномьих костей. У него хватало мозгов, чтобы отличить глупую выдумку от реальности. Как вообще можно загрызть кого-нибудь тыквенными зубами? Зар Беспощадный, да это пугало, существуй оно на самом деле, не смогло бы и мертвецки пьяному гному причинить вреда!

Так что сейчас, увидев внизу его силуэт, Морг ничуть не испугался. Теперь-то он был точно уверен, что имеет дело с безмозглым розыгрышем. Нет, этим недоноскам ни за что не напугать его. Морг рассчитывал в будущем возглавить отряд разведчиков, а затем – если Бог Войны окажется милостив – и все племя. Ему нельзя испытывать страх и показывать даже намеки на него. Полклыка не отступает и не отворачивается от угроз. Пусть даже настолько смехотворных.

Он поднял потухшую головню, взвесил ее в руке. Не самое сокрушительное оружие, но чтобы хорошенько проучить шутников, большего не нужно. Среди сверстников Моргу не было равных в бое на дубинах. Он мог поломать им ребра даже с завязанными глазами. Настало время раз и навсегда отучить мерзавцев смеяться над будущим вождем.

Ступая как можно осторожнее и держась за веревочные перила, Морг начал спускаться по навесному мосту. Влажные доски приятно охладили босые ступни, просмоленные канаты жалобно поскрипывали под его весом. Хорошо, что все ловушки разрядили еще утром – очень не хотелось бы сейчас получить шипастой палицей или бульжником по макушке.

Верхняя перекладина ворот на мгновение скрыла пугало от его взгляда. Морг облизал пересохшие губы и перехватил свою импровизированную палицу. Ладонь вспотела, несмотря на холод. Все-таки он нервничал. Сердце в груди стучало быстрее и сильнее, чем обычно, эхо глухо отдавалось в висках. Даже в бою, мчась навстречу толпе врагов, он чувствовал себя спокойнее и увереннее. Там было понятно, чего стоит ожидать и что нужно делать, а здесь приходилось изо всех сил соображать, прикидывая возможные варианты развития событий. Но ведь именно это умение и отличает настоящего вождя от обычного орка, верно?

топь ждет тебя

Он спустился на ближайшую к земле площадку, спрыгнул с нее в траву. Распахнутые ворота располагались прямо перед ним, а пугало ждало за ними. Оно так и стояло на прежнем месте, раскинув в стороны тощие деревянные руки, и слепо скалилось в никуда широкой усмешкой, искусно вырезанной на большой тыкве, что служила ему головой. Теперь орк смог рассмотреть его лучше, и удивился тому, насколько тщательно поработал пока неведомый мастер над мордой пугала. В застывших чертах читалось безумие и злобное предвкушение. Истовая, бессмысленная жажда крови – о, это выражение Морг узнал безошибочно.

Вернувшийся ветер налетал с болот резкими порывами, трепал полы ветхого кафтана, служившего пугалу одеждой. Остроконечная шляпа с широкими мятыми полями держалась крепко. Нескладное, неестественное создание, способное вызывать только смех – отчего же так хочется повернуться и помчаться обратно к костру? Отчего он готов отдать все что угодно, лишь бы не встречаться взглядами с этим несуразным порождением давно забытых детских кошмаров.

топь...

- Ну! – крикнул Морг, обращаясь к черному небу.

– И где же вы?!

Тьма затаилась, выжидая. Она могла ждать долго. Рассвет из неизбежности давно превратился в глупый вымысел. Ему не было места в мире, пожранном этой бесконечной ночью.

Морг подошел вплотную. Каждый шаг давался с трудом, но он справился. Пугало стояло на единственной жерди - не шире запястья в обхвате. И вкопана она была неглубоко и неаккуратно, отчего вся конструкция уже успела порядком накрениться вперед, словно готовясь броситься на него. Чушь, конечно. На самом деле эта мешанина из дерева, старого тряпья и тыквы готовилась вот-вот рухнуть в грязь. Пожалуй, стоило ей помочь. Морг толкнул пугало и уже открыл пасть, чтобы выпустить рвущийся наружу торжествующий смех, но тот застрял в глотке.

Тыква вспыхнула.

Это было алое, холодное пламя. Оно возникло где-то в глубине уродливой искусственной головы и вырвалось наружу сквозь прорези глаз и рта. Морг инстинктивно отшатнулся, но тут рука пугала согнулась со звонким деревянным хрустом и вцепилась ему в плечо невесть откуда взявшимися ледяными костлявыми пальцами. Горящая, но не сгорающая тыква повернулась так, что извергающие огонь глаза уставились прямо в лицо Моргу.

- Топь ждет! - пророкотала тварь.

Орк с размаху ударил головней по тыкве. Та слетела с плеч и раскололась на несколько частей, ударившись оземь. Пламя отчаянно содрогнулось на влажной траве и потухло. Обезглавленное пугало рухнуло следом - просто потрепанный кафтан, кое-как напаянный на две перекрещенных жерди. Ничего больше. Ни рук, ни пальцев, ни демонов. Только поля шляпы все еще тлели.

Морг отбросил дымящуюся деревяшку. Он не знал, что делать дальше, не знал, что думать, а потому глубоко внутри,

вытесняя страх, пробуждалась ярость. Еще никто не смел так пугать его. Еще никто не заставлял его чувствовать себя настолько слабым и незащищенным. Хуже любого поражения, обиднее самых черных оскорблений. Он заставит виновных ответить! Он вырвет их ядовитые языки, раз и навсегда отучит красться в тених и шептать черные заклинания под их пологом!

На болоте раздался всплеск. Затем еще один. И снова. Кто-то из шутников, похоже, намеревался выбраться на берег. Что ж, пусть попробует. Темнота вряд ли защитит его. Морг нагнулся, содрал кафтан с деревянного остова и без труда оторвал поперечную жердь, служившую чучелу «руками» и державшуюся на единственном ржавом гвозде. Это, пожалуй, будет потяжелее и пострашнее головни. Он шагнул к болоту, берег которого еще не мог разглядеть. Всплески раздались снова - на этот раз больше, сразу с нескольких сторон. Дело принимало по-настоящему опасный оборот.

- Кто вы?! - рявкнул Морг, тщетно пытаясь высмотреть хоть что-то в густом, словно тина, мраке. - Покажитесь!

Он не ждал ответа, но получил его.

- Мы - Ыгр-Гха! - прошипела тьма. - Мы - топь!

Впереди вспыхнуло пламя. Безумные глаза и растянутая вечно голодном оскале пасть. В отсветах можно было различить весь силуэт: раскинутые в стороны руки, древний, покрытый заплатами кафтан. Существо двигалось рваными, ломанными шагами, с трудом переставляя жерди, служащие ему ногами. Через мгновение еще одна тыква загорелась несколькими локтями левее. А следом еще одна - чуть позади. Они продолжали вспыхивать, но Морг не стал утруждать себя подсчетом противников. Он развернулся и со всех ног припустил к воротам. Добраться бы до верхней площадки, где свалены керны, обрубить веревки у мостов - и он с легкостью продержится до утра.

Но ворота уже закрывались. Словно в страшном сне, Морг понял, что не успеет добежать до них, не успеет зацепиться за поднимающийся край и перекатиться через него внутрь. Он подписал себе приговор, когда вышел наружу. Когда *они* выманили его. На парапете, возле рычага, стояла тварь, следившая за ним с застывшей пылающей усмешкой. Морг все же попытался, рванулся изо всех сил, прыгнул, до последнего надеясь ухватиться хоть за что-нибудь, но лишь врезался в бревно и рухнул в размокшую глину.

От страха у него не сразу получилось подняться: ступни скользили, руки сами по себе шарили вокруг в поисках жерди. А когда он все же нашел ее и встал, прижавшись спиной к воротам, то осознал, что потерял свой последний шанс на спасение. Бежать надо было не к Форту, а по тропе к старому лагерю, прочь от проклятого места. Но упущенную возможность не вернуть - пугала успели окружить его, надвигались со всех сторон, неспешно, молча и неотвратно. Они знали, что добыче больше некуда деться.

Однако Морг не собирался дешево продавать свою жизнь. Он крепче перехватил жердь и, когда первое из болотных отродий с хрустом протянуло к нему кривые тощие руки, ударил снизу вверх точно по горящей бессмысленной улыбке. Тыква взорвалась фонтаном искр и ошметков мякоти, а тварь мешком повалилась орку под ноги. Пинком отшвырнув ее в сторону, он зарычал:

- Сюда, гниды! Зарова дубина промаху не знает!

Ему удалось снести еще три горящих головы, но четвертая оказалась слишком крепкой - от удара она лишь треснула, и пугало, покачнувшись, снова пошло в атаку. Моргу пришлось добивать его, и лишние секунды стали роковыми: жесткие, покрытые корой пальцы впились ему в запястья, безжалостно выкрутили руки, обхватили тугим узлом шею.

- Зарова дубина промаху не знает! - хрипел он, но

тыквоголовые лишь беззвучно хохотали над ним.

толь ждет

Они поволокли брыкающегося орка к берегу - нескладные, нелепые, но неимоверно сильные. Морг понял, что именно ему предстоит. Если верить легендам, Ыгр-Гха утопили, а значит старый шаман до сих пор лежит где-то на дне трясины, под слоем ила, в вечной ледяной полночи. Злой. Беспощадный. Голодный. Раз в год, в час мертвых, его дух получает возможность выбраться наружу. Лишь раз в год он может утолить свою жажду крови.

Пугала вошли в болото. Морг уже не сопротивлялся, лишь скрипел клыками от ужаса. Далеко позади горели бесчисленные огни на стенах и навесах Форга, и где-то там, среди них, обугливались так и не съеденные крысы. Соплеменники вернутся только к полудню и никогда не узнают, что стряслось с бесследно пропавшим сторожем, никогда не поставят его во главе отряда разведчиков, никогда не изберут вождем. Тина и забвение - вот его удел.

Морг инстинктивно зажмурился - черная вода сомкнулась над ним, хлынула в ноздри. Холод вонзился в тело тысячами острых зубов. Что-то поднималось навстречу из глубины, и в последний момент он успел распахнуть глаза, намереваясь встретить смерть лицом к лицу.

Но здесь было слишком темно.

***

Кнуд проснулся от криков. Вопил гном, Нордульф Красный Мех, которого орки успели вытащить из клетки наружу.

- Э! Парни! Я не вкусный! Вы же сами так сказали, кромовы бубенцы!

- Заткнись! - кулак Корга опустился на лохматую голову

бородача, и тот, крикнув от боли, действительно заткнулся. Но не надолго.

Утопленник сел, протер глаза. Спал он, видимо, долго и крепко, потому что жизнь в пещере была ключом: под котлом вовсю полыхал огонь, в самой котле уже бурлила вода, Корг щепоть за щепотью бросал в нее какой-то порошок. Неужели приправы? Второй орк боролся с отчаянно сопротивляющимся гномом.

- Несправедливо! - снова завопил Нордульф и впился зубами в тыльную сторону орочьей ладони. Великан взвыл и ослабил хватку, этого хватило, чтобы бородач вырвался и отскочил в дальний угол.

- Меня рано есть! - заорал он. - Мясо жесткое и горчит! Сожрите лучше человека!

Орки переглянулись. Корг покачал головой:

- Мы решили, что человека прибережем на праздничный ужин. Ночь Крабожора уже завтра.

- Да, - подхватил второй. - Ты не годишься для праздника. Мясо жесткое и горчит.

- Человек тоже не особо хорош, - прогудел Корг. - Но уж точно лучше, чем ты. Эльфийка бы пошла идеально. Сочненькая такая, нежная... эх, жаль, поторопились мы с ней, не подумавши.

- Как есть, не подумавши! - горячо согласился второй и поднял с пола иззубренный нож. - Иди-ка сюда, старичок.

- Пойдите! - гном вжался в стену. - А вдруг вы еще кого-нибудь поймаете! Ту эльфийку наверняка ищут соплеменницы! Не может же быть, чтоб она здесь одна прогуливалась. Ну, пораскиньте мозгами: перворожденные ведь не путешествуют на север в одиночку. Верно?

Орки снова переглянулись.

- Тебе виднее, - задумчиво протянул Корг. - Ты ж местный.

- Эльфы прибывают сюда только группами, - начал

торопливо объяснять Нордульф. - Поэтому где-то снаружи точно бродят сейчас несколько таких же... сочных и нежных магичек, которые, к тому же, наверняка разделились, чтобы быстрее отыскать свою пропавшую подругу. Вы сможете заполучить сразу нескольких! Выследите и скрутите их по одной. А за мудрый совет прошу просто сохранить жизнь. Ну в самом деле, при таком обилии вкусной еды не стоит беречь какой-то жесткий, старый и маленький кусок мяса вроде меня.

- Может, и так, - сказал орк с ножом. - Но моя мамочка всегда говорила: лучше поймать жабу, чем мечтать о лебедь.

- Умно! - похвалил Корг. - А к чему она это говорила?

- Откуда мне знать. Мамка у меня умная была, и я не дурак. Снаружи нынче темень и дубак, да и эльфийки, поди, давно уже разбежались. Нашу-то мы изловили дня три назад. Так что, думается мне, пора тебе в котел, коротышка. Запах травками перебьем, не волнуйся.

- Верно! - согласился Корг. - Перебьем!

- Пусть так, - выдохнул гном, вытер ладони о полы своего давно потерявшего всякую форму одеяния. - В котел, так в котел! А только сперва дайте мне страшную историю рассказать, хорошо? Хотел на Самогойн вас порадовать, но раз уж не доживу, то разрешите сейчас.

- Я проголодался, - пробурчал орк. - Но раньше никогда не слыхал гномьих историй. Одни крики. Ладно, валий.

Корг нахмурился, однако ничего не сказал, принялся затаптывать огонь под котлом. Снова идти за водой ему явно не улыбалось. Гном между тем откашлялся и начал:

- История эта приключилась с одним моим знакомым, которого даже в Гильдии Мудрецов почитали за чудака. Слишком уж специфические были у него интересы...

- Какие интересы? - перебил Корг. - Давай вот без этих ваших гномячьих ругательств!

- Необычные, - поправился гном. - Он занимался изучением привидений. Очень хотел поймать хотя бы одно. И надо признать, в конце концов ему удалось, хотя и не совсем так, как было задумано.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

Подъем закончился, когда Варди уже потерял всякую надежду добраться до вершины. Это случилось внезапно и обыденно, без фанфар или торжественных слов: просто отвесная скала, по которой они карабкались с самого утра, оборвалась, откуда-то сверху показались корни растущей на краю сосны, он уцепился за них и выполз на ровную землю.

Руки, плечи и спину наполняла тяжелая, густая боль. Варди стащил с себя заплечный вещмешок, наполненный оборудованием, и лег лицом вверх, наслаждаясь долгожданным отдыхом. Небо здесь казалось гораздо чище и глубже – наверное, это потому что до него было совсем близко. Туманный Перегон считался одной из самых высокогорных железнодорожных станций Глубинной Империи. Империи давно уже не существовало, и железная дорога не функционировала много лет, но на высоту гор это никак не могло повлиять, верно?

Как он и ожидал, толком отдохнуть ему не удалось. Профессор Оттар Третий Гвоздь не любил терять время попусту. Великодушно позволив помощнику пару минут полюбоваться бездонной синевой неба, Его Мудрейшество (почетный Наблюдатель Гильдии, не гриб собачий – и наплевать, что Гильдия накрылась медным тазом вместе с Конклавом и всей Империей) подал голос:

- Варди, не увлекайся!

- Встаю, уже встаю!

- Нужно спешить, Варди. До заката осталось всего ничего, а нам необходимо отыскать подходящее место и расположить приборы.

- Да уже поднимаюсь...

- Ты прекрасно знаешь, что подобного шанса не представится нам до следующего года. Мы просто не имеем права на ошибку.

Варди мог бы ответить, что, судя по небу, до наступления темноты они успеют не только установить приборы, но и дом отгрохать при желании, однако спорить с начальством было бессмысленно. Обойдется себе дороже – профессор надуется и прекратит разговаривать с ним на пару дней. А в горах, среди наводящих тоску пустых руин, нет ничего важнее собеседника. Пусть даже такого.

Он встал и принялся надевать рюкзак. Оттар Третий Гвоздь раздраженно наблюдал, как помощник путается в ремнях, пыхтит и ругается сквозь зубы. Этот ленивый дуралей ничуть не напоминал исполнительных и ответственных ассистентов, что были у него в годы работы в Гильдии Мудрецов. Те понимали любые указания с полуслова, давая возможность гению сосредоточиться на решении научных задач. К сожалению, прошлое рассыпалось прахом, и теперь, чтобы завершить труд всей своей жизни, ему приходилось прибегать к помощи вот таких остолопов.

Варди наконец справился с ремнями, и гномы направились к заброшенному вокзалу. Шли молча, настороженно глядя по сторонам. Оттара удивило, насколько незначительны оказались разрушения здесь. Он рассчитывал увидеть заросшие мхом развалины, но станция, возвышавшаяся перед ним, оказалась в на удивление хорошем состоянии: и перрон, и тяжелые ворота, и крытая дорогой черепицей крыша, и резные столбы, служащие ей опорой. Конечно, кое-

где виднелись прорехи, доски потемнели от сырости, а под потускневшей краской ползли трещины, но в общем и целом Туманный Перегон выглядел так же, как почти три десятка лет назад, когда профессор единственный раз побывал здесь проездом. Правда, случилось это в середине зимы, и все вокруг покрывал снег, а сейчас глаз едва выдерживал буйство осенних красок.

- Ну и ну! – выдал Варди, когда они добрались до входа во внутренний двор станции. Как и большая часть имперских построек, та была предназначена выполнять наряду с основной еще и фортификационную функцию: внушительной толщины стены без труда сдержали бы натиск любых врагов, возмись те вдруг откуда-то на такой высоте.

- Да уж, уникальное место, - согласился профессор. – И странно, что никто его не занял. Слишком уж пусто, подозрительно пусто.

- Отчего же странно? Если все и вправду так, как вы рассчитываете, то никто в здравом уме здесь жить не станет. Особенно сегодня.

Отгар только пожал плечами. Спорить с помощником по поводу «здорового ума» он не собирался.

Гномы вышли на перрон. В обе стороны уходило железнодорожное полотно, висящее над бездной. Далеко внизу плыли молочно-белые облака. В пустоте между ними и небом кружили черными кляксами хищные птицы. Варди с трудом отвел взгляд от пропасти – казалось невероятным, что еще на рассвете они с профессором копошились где-то там, под облаками. Отсюда их и в идеальную погоду разглядеть бы не удалось. Да, большая удача, что старая горная дорога наполовину уцелела: если бы пришлось взбираться по скалам с самого низа, то подъем занял бы несколько дней.

- Приступим! – скомандовал Отгар и скинул с плеч свой мешок, который, стоит упомянуть, был в четыре раза меньше

и легче багажа помощника.

- Что, прямо здесь? На самом краю?

- Конечно! – нахмурился профессор. – А где же еще? «Ведьма» - бронепоезд, пусть и призрак, а, значит, пойдет по рельсам.

- И мы встретим ее тут?

- Именно! Варди, не заставляй меня ждать!

Он снял рюкзак, развязал тесемки и принялся бережно извлекать громоздкие детали самых разных форм, о назначении которых мог только догадываться. Профессор брал их, задумчиво вертел в руках, раскладывал на досках вокруг себя, следуя одному ему ведомым правилам. Когда рюкзак опустел, Варди было приказано не вертеться под ногами, но быть готовым придти на помощь по первому слову. Началась сборка: Оттар развернул лист пергамента с подробным чертежом странного агрегата и, время от времени заглядывая в него, принялся соединять детали друг с другом. Он скручивал щипцами медные провода, скреплял клеем разноцветные трубки, туго затягивал гайки. Время от времени, нацепив на нос увеличительные очки, выпрямлял едва заметные вмятинки с помощью изящного молоточка на костяной рукояти.

Сперва профессор работал молча, разве что изредка бормотал себе под нос неразборчивые ругательства, но спустя час с небольшим, когда дело пошло на лад, он заметно оживился и даже обратился к помощнику:

- Знаешь ли, Варди, при чем ты сейчас присутствуешь?

- Откуда мне, Ваше Мудрейшество, – привычно ответил слуга, начавший уже было дремать. – Я ж в науках не смыслю.

- Ты, Варди, присутствуешь при историческом событии. Много лет спустя, когда оба мы уже вернемся в гранит, историки и биографы станут наперебой рассказывать о том, что случилось здесь, на перроне станции Туманный Перегон.

Они будут рыться в архивах, изучать мои мемуары и сочинять, сочинять, сочинять бесконечно – но ни одна выдумка не в состоянии достойно описать все величие нашего с тобой свершения. Ибо мы будем первыми, кому удастся изловить привидение!

- Это я уже слышал. Да только неясно, какой от пойманного призрака прок!

- А вот мы и узнаем, вот мы и выясним, - улыбаясь, протянул профессор и закрепил на конструкции очередной фрагмент. – Возможно, их получится использовать в качестве нового источника энергии. Вместо пара, к примеру. Или приручить их, заставить выполнять тяжелую работу. Или в военном деле! Только подумай, на что способен отряд боевых привидений! О, найти применение не проблема, главное - совершить открытие, доказать всему миру, что это возможно. Главное – быть первым!

- Как с девкой! – мечтательно усмехнулся Варди.

- Именно, друг мой. Наука – она словно женщина: кого бы она потом ни любила, вечно помнить будет лишь самого первого. Ха!

- Отлично сказано, Ваше Мудрейшество.

- Не спорю. И отлично сделано! – профессор поставил на место последнюю деталь, хлопнул получившийся агрегат по гладкому металлическому боку. Это было странное сооружение, внешне напоминавшее яйцо размером с брюхо взрослого гнома, установленное на треногу и усеянное медными воронками раструбами наружу. Толстый провод тянулся от него к проволочной коробке с большим шаром из неизвестного Варди материала, наполненным внутри приятным синеватым свечением.

- Что это?

- Я называю его Камнем Душ, - объяснил профессор.
– Это специальным образом обработанный редчайший

минерал, в который мы станем помещать нашу добычу. Судя по прошлым опытам, помещенный в Камень дух не сможет выбраться наружу. Не знаю, насколько комфортно бедняга будет чувствовать себя внутри, но ради науки ему придется потерпеть.

- А как вы его туда засунете?

- Долго объяснять, да и бесполезно. Скоро сам все увидишь! – Оттар довольно потер руки. – Осталось только дожидаться «Паровую Ведьму».

Варди вздрогнул. Он не очень-то верил в призраков, но за предшествующие месяцы им с профессором довелось пообщаться со многими несчастными, видевшими «Ведьму» воочию. Ольфред Пять С Половиной Шестеренок, бывший смотритель станции Туманный Перегон, рассказал об этом бронепоезде, о его бесшабашной команде и слишком смелом капитане. Отважные пираты, наводившие ужас на половину Глубинной Империи, они бросили вызов нечистой силе, согласившись украсть Адские Тыквы с Капища Орков в канун Самогойна. А, не справившись, обрекли себя на вечные скитания по давно уже разрушенным подгорным дорогам. Но, по легенде, раз в год, в час мертвых, что наступает в полночь перед Самогойном, «Паровая Ведьма» появляется на станции, с которой отправилась в то последнее, ставшее роковым, путешествие. На Туманном Перегоне. На Вокзале Потерянных Душ.

- Перекусить бы, - сказал Варди, просто чтобы прервать затянувшееся молчание и отогнать жуткие мысли.

- Верно! Ты незаменим! Я ведь совсем забыл...

Они съели хранившиеся в профессорском рюкзаке ветчину и сыр, запили их терпким «Торгорским темным». Во время трапезы Оттар сбивчиво объяснял помощнику принцип действия загадочного механизма, но тот понял только, что звуковые волны определенно связаны с потусторонним, а

медь в последнее время стало значительно проще раздобыть. Тем не менее, он регулярно кивал и выражал восхищение столь искусной технологией.

После еды пришлось расставлять повсюду свечи, чтобы «в темноте не суетиться», и лишь потом было получено разрешение отдохнуть. Профессор, раскурив трубку, сидел молча, полностью погрузившись в свои мысли, и Варди скоро начало клонить в сон. Он пытался сопротивляться, но тяжелый подъем, свежий горный воздух и выпитый эль настояли на своем – гном сдался и задремал. Снился ему Ольфред Пять С Половиной Шестеренок, пьяно плачущий под трактирным столом и бормочущий:

- Прокляты! Они все, все до одного прокляты! Навсегда...

Профессор растолкал его уже затемно. Свечи вокруг горели, на чистом черном небе сияли бесчисленные звезды. Мертво-серебряный лик луны выглядывал из-за склона ближайшей горы. Было холодно.

- Пора! – торжествующим шепотом заявил Оттар. – Уже скоро. Я чувствую.

Варди кивнул, поднялся на ноги. Прошло несколько мгновений, прежде, чем он окончательно понял, где находится и что происходит. Профессор указал на рельсы, бледно сияющие в лунном свете:

- Слышишь? Ты слышишь?

Нет, он ничего не слышал. Но что-то надвигалось. Он почувствовал это так же ясно, как запах профессорского табака. Что-то приближалось. Бесшумное и неизбежное. Как волна в ледяном северном море. Как туча, наползающая на солнце.

- Она уже близко, - пробормотал Оттар, положив руку на коробку с кристаллом. – «Паровая Ведьма» едет сюда.

Железная дорога, проходящая мимо станции, выползала из проложенного в соседней горе тоннеля, жерло которого

сейчас было практически неразличимо в темноте. Именно там, в этой угольно-черной дыре, и появились первые зеленоватые отсветы.

- Вот! – Отгар сжал кулаки. – Сейчас!

Бронепоезд «Паровая Ведьма», словно сотканный из призрачного зеленого пламени, вылетел из тоннеля и, не издавая ни единого звука, помчался по рельсам к Туманному Перегону. Варди замер на месте, крик ужаса выполз наружу сдавленным хрипом. Теперь-то он знал, что все рассказы и легенды - правда. Все до последнего слова. Бронепоезд, охваченный зеленым пламенем преисподней, стремительно приближался, увеличивался в размерах. Уже можно было рассмотреть пробоины в его проржавевших бортах, бездонные дула пушек, рваные флаги, вьющиеся на ветру. На грузовых платформах бесформенными грудями были свалены тыквы, и на каждой из них кривилось в муках живое лицо. Их обезумевшие от непрекращающейся невыносимой боли взгляды коснулись Варди, и он едва удержался на ногах.

Бронепоезд замедлял ход, на крыше кабины машиниста появился гротескный силуэт – уродливое существо в пестром кафтане и остроконечной шляпе. Головой ему служила тыква с вырезанными на ней глазами и улыбающимся ртом, а в руках этот демон сжимал ржавые иззубренные серпы. Столь чудовищного зрелища Варди выдержать уже не смог, упал ничком и закрыл голову руками.

Его обдало волной ледяного воздуха, когда призрачный бронепоезд остановился совсем рядом. Он слышал, как затрещали доски перрона под чьими-то тяжелыми шагами, слышал, как звякнуло что-то в профессорском аппарате, затем раздался громкий хлопок, взревел ветер, перекрывая истошные крики Отгара, и, спустя несколько бесконечных мгновений, полных визгливого замогильного хохота, все стихло.

Гном осмелился поднять голову не сразу, а когда, собрав остатки храбрости, все же сделал это, «Паровой Ведьмы» и след простыл. Ночь вокруг была спокойной и тихой, звезды равнодушно наблюдали с небес за тем, как оплавляются и догорают расставленные по всему перрону свечи. Аппарат стоял на прежнем месте, профессор лежал рядом, раскинув руки, а его кровь, обильно растекшаяся вокруг, уже начала остывать. Цепляясь за остатки надежды, Варди подполз к нему - и едва сдержал резко подступившую тошноту. Поистине, серп может быть страшным оружием в умелых руках.

Стараясь не смотреть на изуродованное тело, он поднялся на ноги, подошел к ловушке для призраков. Механизм блестел в лунном свете, тарачился в окружающее пространство раструбами воронок. Интересно, за какую сумму можно будет его продать? Наверняка, алхимики или некроманты заинтересуются подобным изобретением и отвалят за него немало. Совесть успокоится скоро – у профессора не осталось наследников, а Варди требовалась серьезная компенсация за перенесенное потрясение и пострадавшие штаны. Но только разбирать агрегат нужно с умом, чтобы не превратить его вновь в набор бесполезных деталей.

Варди похлопал ладонями по медным стенкам аппарата, заглянул в одну из воронок – и остолбенел. Сквозь линзу, располагающуюся в глубине раструба, он мог видеть внутренность медного яйца. Там, в абсолютной черноте плавал сгусток белого, с зеленоватыми отблесками, света. Он пульсировал, постоянно менял форму. Неужели профессору удалось?! Неужели там, внутри...

Сквозь свет проступили очертания знакомого лица, и Варди не смог подавить смех – тот родился где-то в глубине груди, у самого сердца, и теперь выбирался наружу резкими рывками, похожими на собачий лай.

- Помоги мне! – прошептал Оттар Третий Гвоздь, чья бессмертная душа оказалась заперта в его же собственном изобретении. – Больно... помоги... Помогимнеоченьбольпомогимнебольно...

Но Варди не смог бы помочь, даже если бы захотел, даже если бы разобрался в устройстве диковинного аппарата. Он смеялся. Он хохотал так, что слезы текли по его щекам, что ноги подкосились, что пальцы принялись выдирать волосы прядь за прядью. Он надрывался от хохота, отползая прочь от проклятой машины к самому краю перрона и лежа там, подставив лицо мертвой луне. Он смеялся до тех пор, пока не пошел снег.

***

Историю Нордульфа Кнуд выслушал от начала до конца, и она ему понравилась. Оркам тоже. Но они все равно съели старого гнома. Тот верещал и ругал их последними словами, призывал Крома разнести обидчиков на части и грозил страшной мезтью других торговцев фейерверками. Ничего не помогло. Да и не могло помочь.

Кнуд отвернулся к стене, чтобы не видеть расправы, но ужасные звуки, которыми она сопровождалась, не миновали его ушей. Орки сварили несчастного вместе с бородой.

От одной только мысли об этом Кнуда мучило. Хорошо, что он ничего не ел уже несколько суток. В полночь Корг открыл клетку и отнял у него плащ.

- Холодно! – объяснил он, запирая замок. – Боюсь простыть.

А потом наступило утро, которому предстояло стать последним для Кнуда Утопленника. До самого рассвета он дрожал на каменном полу, прижав колени к груди, и когда орки принесли в котле воды, долго откашливался, прежде,

чем смог произнести:

- А мне вы позволите рассказать историю?

- А почему нет?

- Хорошо.

- Еще бы!

Они долго возились с костром, несколько раз по очереди ходили за дровами и хворостом. Пока Корга не было, его напарник вытащил откуда-то средних размеров тыкву и, вооружившись ножом, в котором Кнуд сразу узнал свой, принялся вырезать из нее традиционный хеллавинский фонарь. У него получалось на удивление ловко и хорошо: тыква, лишенная внутренностей, быстро приобретала узнаваемые пугающие черты. Придав треугольным глазам сердитое выражение и как следует заострив клыки в широкой пасти, орк вставил внутрь тыквы зажженную свечу и водрузил жуткую голову на камень рядом с котлом.

- Нравится? – спросил он у Кнуда, безотрывно следившего за всеми его манипуляциями.

- Да, здорово.

- А то! – орк довольно крикнул. – Мы не какие-нибудь дикари, у нас настоящий праздник.

Он откинул несколько покрытых плесенью шкур, сваленных в углу у выхода. Под ними обнаружили две коробки с гномьими взрывчатыми шашками.

- Фер... ферверки, - объяснил он с гордостью. – У коротышки отобрали. Вечерком будем запускать. После ужина. Хы!

Кнуд ничего не сказал.

Время шло, неумолимо сбрасывая в пропасть небытия последние минуты его жизни. Он почти физически ощущал их, эти краткие и обычно такие незаметные отрезки существования. Минута, минута, минута... уже совсем скоро.

Вернулся Корг, споро соорудил костер под котлом.

- Валяй, человек, рассказывай, что хотел. Только это должна получиться хорошая история, праздник все-таки.

- Постараюсь.

- Угу. А мы, так уж и быть, постараемся закончить с тобой быстро, без мучений.

- Благодарю, - Кнуд встал в клетке, выпрямился, насколько позволяла высота каменного свода. Его изрядно шатало, и он держался руками за прутья решетки.

- В первую очередь хочу, чтобы вы знали, кто перед вами. Меня зовут Кнуд Утопленник, и я не без оснований считаюсь лучшим вором к востоку от Долины Красных Камней. Но и на западе я тоже известен. История, которую собираюсь поведать, произошла со мной самим именно там, на западе, на окраине джунглей Ру-Аркха. Лет десять тому назад, в канун Хеллавина, или, по-вашему, Крабожора, я был в плену в Крепости Людоедов.

Орки усмехнулись, но промолчали, и Кнуд продолжил:

- Не важно, как я там оказался и за какие провинности угодил в темницу. Важно то, что во время празднования мне удалось сбежать. А поскольку Крепость стоит на острове, то добраться до материка можно было только вплавь. Не долго думая, я прыгнул в воду и погреб к противоположному берегу.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ НОЧЬ АДСКИХ ФЕРМЕРОВ

Кнуд плыл, не думая об осторожности. Не было никакой нужды скрываться – в Крепости гремел праздник, орки орали похабные песни сотнями могучих глоток, и даже часовые возле частокола, выставленные «для порядку», уже успели надраться. Он мог бы во весь голос подпевать нехитрым, но залихватским куплетам, и никто бы не обратил ни малейшего

внимания. Тем более всем и каждому на острове было наплевать, что там плещется в проливе, уходя все дальше к противоположному берегу. Такая уж это ночь, канун Крабжора, время чудес и загадок. Вот будет загадка, когда утром орки обнаружат, что их пленник исчез. Наверняка, спишут на злых духов.

Кнуд плавал отлично. Детство его прошло на берегах великой реки Джар, он чувствовал и понимал воду, а могучая стихия отвечала ему взаимностью. Благодаря ей и появилось прозвище – однажды, уходя от погони, молодой вор прыгнул в дворцовый пруд и пробыл под водой столько, что преследователи решили, будто он благополучно утонул. Они отправились за багром, чтобы выловить труп, а когда вернулись, то еще успели заметить утопленника, перелезавшего через стену.

Павианьи Водопады приближались. На фоне ночного неба, усыпанного мириадами звезд, чернели силуэты гигантских статуй, что возвышались на скалах вокруг. Пожалуй, они стоили того, чтоб поразмышлять об их происхождении, но только в другой обстановке: за стаканом терпкого южного вина, обняв какую-нибудь эльфиечку посимпатичнее. Эльфиечки любят разговоры на такие темы.

Кнуд нащупал ногами каменистое дно и вышел на берег. Водопад грохотал всего в нескольких шагах. Теперь ему предстояло вскарабкаться по отвесной стене и добраться до старого капища. Это было древнее орочье святилище, оставшееся еще с тех времен, когда зеленокожие поклонялись Болотным Обезьянам. По какому-то нелепому суеверию дикарям запрещено было приходить туда в ночь Крабжора. Вот он и воспользуется примитивными предрассудками, отдохнет в священном месте до утра – идти через джунгли и трясину ночью рискнул бы только безумец. Недолго думая, Кнуд схватился за низко висящую лиану и начал взбираться.

Между гранитными глыбами хватало растительности, а потому подъем не оказался ни долгим, ни трудным. Он даже обсохнуть толком не успел.

Крики и лязг металла Кнуд услышал сразу, как только выбрался на траву. Огромный булыжник возвышался между ним и святилищем, но сомнений не могло быть – звуки доносились оттуда: скрежетали клинки, грохотали выстрелы, взрезали ночь шипящие арганайские заклятья. На капище шел бой.

Отдышавшись, Кнуд подполз к булыжнику и осторожно выглянул наружу. Он считал себя бывалым, изрядно тертым жизнью, больше не способным удивляться – но увиденное в тот момент изрядно пошатнуло это убеждение. Капище было полно света: колдуньи в остроконечных шляпах не жалели огненных заклинаний, а на камнях и покосившихся обезьяномордых истуканах горели свечи и фонари-тыквы. Вообще, в тыквах здесь недостатка не было, они росли повсюду, увеличиваясь прямо на глазах. Между ними сновали существа самых разных форм и размеров: орки, гномы, эльфы, люди – но все как один с закрытыми лицами. Кому-то маской служила пустая тыква, надетая на голову, кому-то – полосатый чулок с прорезями для глаз, кому-то – бесформенный мешок без каких-либо отверстий. И каждый участник этого адского карнавала сражался против остальных. Сколько ни вглядывался Кнуд в разворачивающуюся перед ним битву, так и не смог различить ни какой-либо тактики, ни хоть сколько-нибудь понятных задач у дерущихся. Они просто рубили, жгли, расстреливали всех вокруг.

Вор спрятался за камнем, лег лицом в траву, раздумывая, что предпринять дальше. Очевидно, оставаться здесь было небезопасно: в любой момент кто-нибудь из этих гротескных бойцов мог решить, что укрыться вон за тем большим булыжником на самом краю поля – отличная идея. Но уходить

в джунгли тоже не имело смысла. Не хватало еще наступить в темноте на ядовитую змею или забрести в болото. Пожалуй, разумнее всего будет отползти чуть дальше в заросли, залечь за большим кустом и дожидаться рассвета.

Кивнув самому себе, Кнуд развернулся, намереваясь двинуться прочь, но застыл на месте, когда сзади раздался высокий, холодный голос:

- А вот это любопытно!

Он повернул голову, однако успел заметить лишь мелькнувшую полу черного плаща. В следующие мгновение крепкие пальцы впились в воротник рубахи, потянули его вверх. Сырая ткань затрещала, но выдержала, Кнуд оторвался от земли и взмыл в воздух.

- Уйти хотел? – прошипел голос ему в ухо, и вор с ужасом понял, что попал в лапы к ведьме. Та сидела на длинной метле, одной рукой управляла ей, а во второй держала пойманного человека. Утопленник опустил взгляд и увидел далеко внизу под собой водную гладь, мерцающую отблесками огней Крепости Людоедов. Они неслись над проливом. Неужели ведьма собирается вернуть его оркам? Или попросту сбросит вниз, чтобы человек, ставший невольным свидетелем шабаша, разбился насмерть, ударившись о поверхность воды или камни, скрытые под ней? Он в ужасе вцепился обеими руками в ладонь, держащую его.

Однако ведьма лишь развернулась по широкой дуге и полетела обратно. Она сделала круг над капищем, а когда головы всех сражающихся оказались задраны кверху, закричала:

- Смотрите, братья и сестры! К нам пришел лазутчик!

Слитный вал хохота встретил эти слова. Те, кто всего минуту назад бились друг с другом не на жизнь, а на смерть, теперь дружно смеялись, стоя на залитой своей и чужой кровью траве.

- Шпион наблюдал за нами! – продолжала визжать ведьма, постепенно снижаясь. – Он видел всех нас в Час Мертвых! Так что же ждет его?!

- Смерть! Смерть! Смерть! – хором закричали внизу. Другого от них и ждать не стоило. Когда до земли оставалось примерно полтора человеческих роста, ведьма выпустила Кнуда, и тот тяжело рухнул прямо в руки ряженных. Тотчас кто-то вмазал ему по лицу, тяжелая дубина врезалась в ребра, выбив весь воздух из груди.

- Не спешите! – проорала сверху ведьма, и нападавшие мгновенно расступились, позволив Кнуду упасть. – Сперва стоит допросить его, узнать, кто и с какой целью осмелился подослать шпиона на Капище Орков в Ночь Адских Фермеров!

- Правильно! – пропищал тучный коротышка с тыквой, напыленной на голову по самую бороду. – Пытать его!

- Пытать! Пытать! – раздалось со всех сторон голоса. Толпа вновь сгрудилась вокруг Кнуда, когтистые лапы потянулись к нему, и только тут до него дошло, что возможно, далеко не под всеми масками скрываются привычные человеческие, орочьи или гномьи лица.

- Стойте, братья и сестры! – закричал он во весь голос, и, когда ряженные замерли, поднялся на ноги. – Нет нужды пытать меня! Я все скажу сам, ибо... ибо! Ибо от вас, столь дорогих моему черному сердцу созданий, нет и не может быть у меня секретов!

Толпа молчала. Глаза – змеиные, звериные, горящие демоническим огнем или мертвенно-пустые, смотрели на него сквозь прорези. Смотрели пристально, недоверчиво. И очень, очень недобро.

- Что он несет? – пробормотал кто-то в задних рядах.

- Понимаю и одобряю ваши сомнения, братья и сестры! – воскликнул Кнуд, поднимая руки. – Но я прибыл сюда не для того, чтобы навредить вам. Совсем наоборот! Мой господин,

Двухголовый Хозяин Кошмаров, лично повелел мне явиться на Капище Орков в Час Мертвых, дабы донести до вас его слово!

Глухой ропот пронесся по толпе. Кнуд продолжал говорить, понимая, что любая пауза может стать смертельной:

- Зовут меня Огмар Кровавая Душа, и вы могли слышать обо мне на восточных окраинах Фархейма, как о самом безжалостном темном маге со времен резни в Багряном Бору. Много лет назад принес я Черную Присягу Двухголовому, пожертвовав ему самое дорогое, что у меня было, а в награду получил вечную жизнь и небывалое могущество. И дабы более не сотрясать попусту воздух этого великого места и не тратить драгоценное время, оставшееся до наступления рассвета, позвольте представить вам доказательства истинности моей речи. Взгляните же туда!

Кнуд указал в сторону Крепости Людоедов, огни которой можно было без труда различить на другой стороне пролива. Ряженные послушно повернули головы. Отлично. Теперь нужно лишь приковать их внимание, заставить высматривать что-нибудь, а самому попытаться улизнуть. Другого шанса не будет.

- Взгляните! Там празднуют они, уверенные в том, что повелевают миром. Нашим миром, братья и сестры! Ибо мы с вами есть истинные владыки всего и вся вокруг, мы, обладающие силами, способными изменять само мироздание! Но они празднуют, упиваются скотским своим счастьем и вонючей брагой! Они смеют радоваться в эту ночь, хотя должны бы дрожать от ужаса, забившись в самые темные норы! И сейчас! Сейчас, братья и сестры, я покараю их! Я, Огмар Чер... то есть, Кровавая Душа, обрушу на них свою мощь!

- Правильно! – пропищал коротышка, теперь стоящий к вору спиной. – Сожги их!

- Сожги! – подхватили в толпе. – Сожги их!

Пора, решил Кнуд. Нужно валить. Он повернулся, намереваясь со всех ног припустить к опушке леса, но с размаху влетел лицом в чье-то необъятное брюхо, обтянутое грязно-зеленой тканью. Едва удержавшись на ногах, Утопленник поднял глаза. Возвышаясь над всеми вокруг, перед ним стоял тролль. Он был стар и горбат, одет в балахон цвета пожухлой болотной травы и опирался морщинистыми ладонями на кривую трость из выбеленного временем дерева. Кривой нос свисал почти до самого подбородка, усеянного редкими седыми волосами, и такие же волосы торчали из узких остроконечных ушей. Глаза его прятались за круглыми темными стеклами очков, но от Кнуда не укрылось их подозрительное выражение. Тролль не смотрел на Крепость Людоедов. Он смотрел на него.

- Помоги мне взобраться на камень! – грозно сказал вор, кивнув на ближайший булыжник. – Я должен лучше видеть свой триумф.

Тролль нахмурил косматые брови, но все же подсадил Кнуда – ему это было не труднее, чем обычному человеку поднять с пола соломенную куклу. Утопленник потоптался на вершине булыжника и устоялся на Крепость Людоедов, мирно светящуюся вдалеке. Вот и все, вот и конец. План провалился, а запасного не имелось.

- Приготовьтесь же! – начал он вновь, истово надеясь, что они расправятся с ним быстро и по возможности безболезненно. – Приготовьтесь же, бра...

В Крепости что-то произошло. Один за другим начали гаснуть огни. Стремительно, словно их задувал невероятно могучий ветер: костры, факелы на стенах и башнях, расставленные вдоль проходов свечи – и минуты не прошло, как орочья твердыня погрузилась во мрак, полностью слившись с ночью.

- Узрите мощь мою! – надрывался Кнуд, обливаясь потом и мысленно благодаря всех возможных и невозможных богов. – Узрите тьму сердца моего, что накрыла гнездо врагов наших, пожрала огонь и наполнила их сердца ужасом. Пусть то же случится с каждым, кто осмелится считать себя выше ведьм и колдунов, истинных хозяев вселенной!

- Да-а-а! – толпа взорвалась торжествующим ревом. – Да будет так!

Они вновь повернулись к нему, но теперь в их чудовищных глазах читалось восхищение и обожание. Благодаря чуду или просто почти невероятному совпадению, Кнуд снова оказался на коне. Обретенную инициативу не стоило упускать.

- Теперь мы верим тебе, о Кровавая Душа! – проворковала ведьма, та самая, что притащила его сюда. – Но зачем Двуголовый прислал тебя? Не провинились ли мы перед ним?

Ряженные вновь затихли и замерли. Видимо, мысль показалась им настолько пугающей, что начисто стерла весь восторг от увиденного зрелища.

- Нет, братья и сестры! Он доволен вами и вашими делами, - ответил Кнуд, судорожно пытаясь сочинить хоть какое-то приемлемое объяснение для своего появления здесь. – Но, разумеется, я прибыл не просто так. Хозяин Кошмаров повелевает вам... повелевает вам отныне праздновать Ночь Адских Фермеров иначе!

Он сделал драматическую паузу, оглядел аудиторию. Они ждали объяснения и, похоже, были готовы принять любое. Что ж, попробуем:

- Двухголовый наблюдает за вами каждый Хеллавин, и его порядком утомили бессмысленные, бестолковые драки. Начиная со следующего года, вы будете делиться на две команды и возделывать грядки с Адскими Тыквами.

- И все? – разочарованно протянул бородатый коротышка.

- Еще нет. Есть ли среди вас кто-нибудь, разбирающийся

в алхимическом деле?

Толпа расступилась, горбатый тролль сделал шаг вперед, слегка нагнул лысую голову:

- Меня зовут Вармунд Зловонный Котел, ваша милость. И я варю зелья уже почти три сотни лет.

- Отлично! – ощерился Кнуд. – Сможешь ли ты изготовить яд, Вармунд? Хороший, сильный, смертельный яд? И пропитать им удобрения?

- Разумеется, ваша милость.

- Постарайся как следует, старина. Потому что Хозяину Кошмаров не нужна какая-то обычная вонючая отравка, пусть и способная убить за несколько минут. Нет, это должно быть произведение искусства, уникальный шедевр, предназначенный для использования только здесь и только в единственную ночь в году. Ты, Вармунд, каждый Хеллавин будешь приносить мешок с отравленными удобрениями, а две команды, на которые разделятся остальные, будут пытаться с помощью мешка отравить грядки друг друга. Ясно?

- Конечно, - тролль снова склонил свою большую голову. – Вроде бы, ничего сложного. Но зачем это нужно?

- Чтобы развлечь Двухголового, старик! Ибо давно уже устал он от ваших ежегодных баталий, так похожих одна на другую! Он сам придумал эти новые правила, и теперь каждую Ночь Адских Фермеров вы станете следовать им.

- Да, ваша милость. Станем.

- Тем лучше для вас! Ведь иначе... - Кнуд воздел руки с растопыренными пальцами. – Я могу наслать тьму и сюда!

Толпа молчала. Он уже было решил, что перестарался, и сейчас его попросту испепелят, но тут Вармунд тяжело и грузно опустился на колени. В полной тишине за ним последовали и другие.

- Мы не слушаемся Хозяина Кошмаров, Двухголового Бога, Смотрящего-По-Обе-Стороны-Смерти, создателя

черной и белой магии. Его воля для нас закон! – медленно произнес тролль, и остальные гулким эхом повторили эти слова.

- Вот и славно! – хлопнул в ладоши Кнуд. – А теперь, когда я выполнил волю своего господина, мне пора. Столько дел до рассвета. Не провожайте!

- Вы полетите на метле? – спросил писклявый карлик. – Или сами по себе? Или отрастите крылья? Перепончатые? С перьями?

- Я... э... хм... - он и предположить не мог, что когда-либо в жизни услышит подобный вопрос. – Я... да... да! Совсем забыл! Приземлился неудачно, вылетело из головы. Есть же еще одно поручение, крайне важное. Хозяин повелел мне, в том случае, если вы исполните его просьбу насчет отравленных удобрений и прочего, выслушать ваши просьбы к нему – и передать слово в слово. Не волнуйтесь, у меня хорошая память. Но давайте поторопимся, потому что до рассвета не так уж и долго. В очередь.

Что тут началось! Ряженные бросились к нему все разом, толкаясь и давя упавших. Одна за другой вспыхивали драки, слившиеся затем в общую свалку. Все опять вернулось к тому, с чего началось. Так уж устроены силы зла – обречены вечно кусать себя за хвост.

Кнуд восседал на камне, важно наблюдая за происходящим. Вармунд Зловонный Котел стоял рядом, отшвыривая тростью тех из дерущихся, кто оказывался слишком близко. Просителей, сумевших добраться до великого чернокнижника по имени Огмар Кровавая Душа, он пропускал. Великий чернокнижник выслушивал каждого из них внимательно, пристально глядя в глаза, словно стараясь выведать все тайны, сокрытые за ними.

- Я бы хотел, чтоб мой тесак никогда не тупился, - застенчиво и глухо бормотал зеленокожий великан с мешком,

испещренным загадочными символами, на голове. – А то так лень точить после каждого раза.

Кнуд сочувственно кивал.

- А я слышал про вас раньше, - подобострастно заявил тыквоголовый коротышка. – Давно являюсь вашим поклонником. Можно мне такую же способность? Ну, с темной и прочим?

Кнуд, придумавший Огмара Кровавую Душу менее получаса назад, снисходительно улыбался и кивал.

- Моя метла... видите ли, она стала глупеть, - доверительно сообщила ведьма в остроконечной шляпе. – Мы с ней уже не можем общаться на равных, как раньше. Она не способна ответить на самые простые вопросы, и вообще... - старуха выпучила глаза. – Я стала подозревать, что она свихнулась. Но новую метлу мне не надо. Можно ли вылечить нынешнюю?

Кнуд, едва сдерживая зевоту, кивал.

А ряженные все шли и шли к нему. Сплошной вереницей, избитые, окровавленные, в порванных одеждах. И каждый раз он пытался угадать, что за лицо скрыто под маской. Обычное ли? Знакомое ли? Любимое ли? Весь мир превратился в бесконечную галерею масок, за которыми ютились страшные, неведомые существа, живущие лишь чужой болью. Он слушал их. Он кивал им. Он давал им надежду. И не знал уже, было ли настоящим его собственное лицо – или под ним тоже пряталось нечто чужое, извивающееся, жаждущее теплой крови.

И только когда первые лучи рассветного солнца проникли сквозь кроны деревьев вокруг, тьма начала отступать. А вместе с ней исчезали и ее обитатели: рассеивались, растворялись в тенях, обращаясь легким утренним туманом. К тому времени как светило показалось над горизонтом полностью, вор по прозвищу Утопленник сидел посреди Капища Орков совсем один. И продолжал кивать.

***

- Спустя несколько месяцев я узнал о том, что случилось тогда в Крепости Людоедов, - подытожил Кнуд. – Встретился в одной таверне с бродячим сказочником по прозвищу Синеус, который мне все объяснил. Оказывается, вождь решил поджарить пленнику пятки перед сном и, обнаружив мое исчезновение, по пьяной лавочке приказал погасить каждый факел и костер, чтобы их отсветы не мешали ему разглядеть беглеца в воде. А у вашего народа принято вождю подчиняться беспрекословно, иначе можно головы лишиться в два счета. Сами знаете.

Орки некоторое время молчали, угрюмо глядя в пол. Спустя пару минут Корг встрепенулся, сказал:

- Хорошая байка. Только брехни в ней полно.

- Точно! – согласился чубатый, тяжело поднимаясь, старясь не опираться на отсиженную ногу. – Даже больше!

- Но самая главная брехня, - продолжал Корг, глядя пленнику прямо в глаза. – Брехня, в которую я никогда не поверю – это росказни о том, будто ты смог убежать из Крепости Людоедов. Тем более, без чужой помощи.

- В точку! – прорычал второй. – Оттуда никому не вырваться!

- Однако мне удалось, - Кнуд едва не рассмеялся, глядя на их обескураженные морды. – Клянусь Кадилом Химеры!

- Но как, человеке?

- Ну, я же вор, а у воров хватает секретов. Есть такой особый прием - он называется... хм, Змеелупень – который позволяет нам выбираться из любых, даже самых укрепленных и охраняемых темниц.

- Колдовство?

- Вроде того, - Кнуд пожал плечами.

– Не знаю, как точно описать.

- Хы! – оскалился чубатый. – Да нечего слушать этого заморыша! Был бы он и впрямь колдун, давно бы сбежал отсюда, а нас во сне придушил.

- И то верно, - закивал Корг. – Слышь, человеचे!

- Слышу.

- Покажи-ка нам этот самый Змееслупень или как его.

- Прямо здесь?

- Где ж еще! Ты сейчас в клетке, замок заперт. Выберись наружу,

- А вы дадите мне уйти? Не будете преследовать?

- Еще чего! И останемся без праздничного ужина? Даже не мечтай.

- Тогда не дождетесь.

- Как знаешь.

Орки не настаивали. У них были дела и поважнее: Корг принялся ковыряться в куче дров, выбирая самые сухие, а чубатый начал точить нож. Делал он это медленно и аккуратно, почти ласково проводя тронутым ржавчиной лезвием по точильному камню – и каждый раз, когда оно взвизгивало, поднимал глаза на человека в клетке и ощеривал клыки. Кнуд выдерживал безжалостный взгляд, полный жажды убийства, хотя это давалось ему нелегко.

Разобравшись с дровами, Корг выглянул наружу:

- Пора! Уже стемнело!

Он достал огниво и несколько кусков бересты, всего за несколько мгновений развел огонь под котлом. Дрова занялись на удивление быстро, дым поднялся к потолку, пополз вдоль него к выходу. Терпкий запах наполнил пещеру, заставил слезиться усталые глаза Кнуда.

- Не плачь, человече, - усмехнулся чубатый. – Скоро отмучаешься.

Вор попытался ответить, но ничего не вышло, его била

крупная дрожь, которую уже невозможно было скрыть. Стиснув стучащие зубы, он отвернулся от своих палачей и закрыл лицо ладонями. Орки не обратили внимания – мало ли какие переживания могут быть у еды, верно? У курицы не спрашивают, страшно ли ей отпавляться в кастрюлю.

Когда вода в котле начала закипать, Корг приказал:

- Вытаскивай паренька.

Чубатый еще пару раз чиркнул лезвием по камню, затем открыл клетку и, схватив человека за воротник куртки, выволок наружу. Кнуд попытался ухватиться пальцами за прутья решетки, но зеленый здоровяк одним рывком вытащил его на середину пещеры.

- Вот и все! – он навис над ним, прижал коленом к полу, приставил только что заточенный нож к горлу. – Передавай привет гному!

- погоди! – прохрипел Кнуд. – погоди немного! Я передумал...

- Что?

- Я раскрою вам секрет Змеелупня, расскажу, как сбежал из Крепости Людоедов.

- С чего вдруг? – орк не убрал ножа, но чуть приподнял колено, позволив человеку вдохнуть воздуха, щедро перемешанного с дымом.

- Просто... – голос Утопленника сорвался в фальцет, на глазах опять выступили слезы. - Дело в том, что я, наверное, последний хранитель этого секретного приема. Не могу допустить, чтобы он исчез вместе со мной. Пусть хотя бы у вас он уцелеет и потом перейдет к правильным людям.

- Он перейдет к правильным оркам, человече. Мы слушаем тебя.

- Позволь мне подняться сперва.

- Валяй. Только без фокусов.

Чубатый встал и отошел на шаг, держа нож наготове.

Отсветы огня плясали на изогнутом лезвии. Кнуд окинул пещеру взглядом: темнота, сталактиты и дым, два грузных силуэта. Один стоял по другую сторону костра, пламя хорошо освещало его. Второй замер рядом, между ним и клеткой, погруженный во мрак и готовый в любой момент нанести удар.

- Как же без фокусов! Ведь это как раз фокус и есть. Вам хорошо видно, все сможете разглядеть?

- Не переживай, - пробурчал чубатый, а Корг нагнулся, чтобы достать головню из-под котла. Наверное, хотел использовать ее вместо факела.

В этот самый момент Кнуд и нанес удар. О, ему было не сложно притворяться испуганным и сломанным, сидя в клетке – сил у него и в самом деле почти уже не осталось. Он собрал все оставшиеся для этого броска, потому что прекрасно понимал, что второго шанса не будет. Снизу вверх ногой по костровой перекладине. Палка была толстой, но уже порядком обугленной, и расчет оправдался – от удара она переломилась. Котел упал, кипяток хлынул в огонь, часть его выплеснулась прямо на морду и руку Корга. Рев, пар и тьма заполнили пещеру.

У Кнуда не было времени любоваться результатами: сломав перекладину, он прыгнул через костер к выходу, едва не врезавшись в нагнувшегося орка. Чубатый махнул наугад ножом, промахнулся, рванулся вперед, но в темноте попал обеими ступнями в кострище и, выругавшись, отскочил. Это дало Кнуду серьезную фору – он замер у выхода, нащупал кучу барахла, накрытую заплесневелыми шкурами, сорвал их.

- Не вижу! Ничего не вижу! – выл позади Корг. – Зажги огонь!

- Чем? – проревел в ответ чубатый.

- Вот огниво! Возьми!

Чубатый, ругаясь сквозь зубы и слепо шаря руками перед собой, обошел кострище, наткнулся на распростертого на полу Корга, рявкнул:

- Где оно?

- Да я ж только что тебе отдал! – простонал тот.

Орки замолчали, пытаясь сообразить, как такое могло произойти. Тишину нарушил звук чиркающих друг о друга кремней.

- Огниво здесь, господа, - произнес Кнуд Утопленник, зажигая фитиль на одной из взрыв-шашек. – Нордольф Красный Мех поздравляет вас с праздником!

- Что он сделал, я не вижу! – прохрипел Корг.

Вор уронил брызжущую искрами шашку на грудь остальных и, повернувшись, скрылся в темноте тоннеля. Чубатый, яростно зарывчав, бросился следом – но в тот самый момент, когда он добрался до выхода, фейерверки начали взрываться.

***

Кнуд Утопленник ковылял по каменистому склону, кутаясь в дырявые и сырые козьи шкуры, захваченные в орочьей пещере. Он отлично выспался в плену и выпил немало дождевой воды после побега, но был слаб как котенок из-за того, что уже много дней ничего не ел. Впрочем, сомневаться не приходилось - окажись прямо сейчас перед ним стол, уставленный самыми изысканными яствами, его, скорее всего, попросту вывернуло бы от отвращения. Слишком уж отчетливо отпечатался в сознании проклятый котел.

Впрочем, приятные воспоминания тоже остались: оглушительные вопли сторающих заживо орков, наполнившие все ущелье звенящим эхом, до сих пор звучали в его голове. Благодаря им Кнуд продолжал идти. Он ведь снова взял верх,

верно? Он ведь вышел из кошмарной пещеры в холодную, сырую мглу, он один. Густой дым, приторный запах горелой плоти и предсмертные крики, следовавшие за ним, служили лучшими доказательствами его победы. Значит, нельзя сдаваться сейчас, когда рассвет уже так близко. Старый вор по прозвищу Утопленник доберется до цели, укроется в каменоломнях, найдет там пищу и приют. Иначе и быть не может.

Он двигался вперед шаг за шагом, не отрывая взгляда от камней под ногами, а потому не мог видеть высокой тощей фигуры, что неотступно следовала за ним в отдалении. Не мог видеть рваного рубища, полы которого трепыхались на ветру, широко расставленных рук и нелепой головы, сделанной из тыквы. Он не мог видеть, но луна видела и улыбалась с черного неба. Она не сомневалась – добыче не уйти. Только не в эту ночь.

КОНЕЦ

WWW.PANZAR.RU